

A woman is shown from the chest up, wearing a white headscarf and a red shawl. She is looking down and to the right. The background is black. The entire image is framed by a decorative red border with ornate corner pieces.

ЧАС ВЕДЬМЫ

КРИС
БОДЖАЛИАН

ПЕРЕВОД ДАРЬИ СМИРНОВОЙ

роман

МИО

МИФ Проза

Крис Боджалиан

Час Ведьмы

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2021

УДК 82-311.2(73)
ББК 84(7Сое)6-443

Боджалиан К.

Час Ведьмы / К. Боджалиан — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»,
2021 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195265-7

Бостон, 1662 год. В Новой Англии ведется охота на ведьм. Мэри Дирфилд – молодая жена Томаса Дирфилда, уважаемого и состоятельного человека вдвое старше нее. Только она знает о Томасе правду: за маской доброты и великодушия скрывается тиран. Когда Томас в приступе ярости вонзает вилку в руку Мэри, она решает развестись с ним, чтобы спасти свою жизнь. Но в пуританском обществе, где каждый сосед следит за происками дьявола, девушка оказывается мишенью для слухов и подозрений. Вскоре она вынуждена искать спасение не только от мужа, но и от виселицы. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.2(73)
ББК 84(7Сое)6-443

ISBN 978-5-00-195265-7

© Боджалиан К., 2021
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2021

Содержание

Пролог	6
Книга жены	8
1	8
2	11
3	18
4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Крис Боджалиан

Час Ведьмы

Original title: Hour of the Witch

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © HOUR OF THE WITCH: 2021 by Quaker Village Books LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Брайану Липсону и Деборе Шнайдер – за их терпение, честность, наставления и доброту

И вновь Виктории, моей музе и возлюбленной навеки

*Грезишь ли ты о том, что скрывает за собой Луна, и не чаешь ли
вскоре отправиться туда?
Анна Брэдстрит*

Пролог

Дьявол всегда мог быть поблизости.

Конечно, Бог все видел. Как и Спаситель.

Поэтому они никогда не оставались совершенно одни. Даже когда отправлялись к илистым берегам или соленым топям, которые называли Черным заливом, потому что во время прилива их почти полностью покрывала вода, или когда им случалось подниматься на Тригорье – на самом деле три отдельных холма: Хлопковый, Страж и Маяк, – которые они в прямом смысле сплюснули, когда рыли землю и строили дамбы, причалы и склады. Даже на узком перешейке, который вел к большой земле, даже в лесу (и особенно когда они были не в лесу) на дальнем краю узкой косы.

Они знали, что нечто таится рядом, когда они словно бы одни оставались в своих маленьких темных домах – с окнами-щелками, часто закрытыми от ветра и холода, – когда мужчина писал в своем дневнике (по сути, учетной книге, куда он скрупулезно вносил события каждого дня и отчеты о своем состоянии в попытке вычислить, не относится ли он к числу избранных) или женщина мимоходом записывала несколько поэтических строк, посвященных деревьям, рекам либо восхитительным песчаным дюнам, в ночи перекатывающимися, точно морские волны.

Иногда чужое присутствие пугало, особенно если появлялись признаки, что за этим стоит Дьявол. Но наступали моменты, когда оно успокаивало и они, лишь овцы под божественной волей, не чувствовали себя одиноко в компании пастуха. Его присутствие баюкало, ободряло и ощущалось как нечто завораживающе прекрасное.

Так или иначе, но чаще всего мужчины и женщины находили утешение в том, что есть объяснения миру, по сути своей загадочному, причем загадочность его обычно проявлялась в чем-то ужасном: ялик с десятком гребцов исчезал под водой где-то между причалом и массивным, стоявшим на якоре кораблем, груженным бочками со специями, контейнерами с порохом и ящиками с оловянной посудой, фарфором и текстилем. Тот ялик исчез безвозвратно. Только что моряки в доках отлично его видели. И вдруг небо закрыли тучи, полил дождь, и лодка не вынырнула из бурунов и пены, а тела так и не нашли.

И позднее не нашли.

Или тот фермер, которому бык проткнул рогом живот, и он через три дня, проведенных в непрерывной агонии, умер в своей постели. Как вы это объясните? К тому времени, когда его муки подошли к концу, перья и обертки кукурузных початков в большом мешке под ним были столь же красны, как и холстина, в которую они были завернуты. Никогда еще человек не истекал кровью так долго.

Три дня. По-библейски символично.

И все-таки. Все-таки.

Как вы объясните случай, когда муж сломал жене ногу кочергой, а затем приковал за пояс к плугу, чтобы она не сбежала с его участка? И кто после этого пропадает? Женщина прождала целый день, прежде чем начать звать на помощь.

Как вы объясните ураганы, уносящие в море целые причалы; пожары, изливающиеся в дом из очага и оставляющие после себя лишь две почерневшие трубы; как вы объясните засухи, голод и потопа? Как вы объясните смерть младенцев, смерть детей и – да – даже смерть стариков?

Никогда они не задавались вопросом «*Почему я?*». На самом деле они даже никогда не задавались более разумным вопросом «*Почему кто-либо?*».

Потому что знали. Они знали, *что* обитает снаружи, в дикой местности, и *что* обитало у них внутри и было, вероятно, еще более диким. Пусть добрые дела не могли ни на йоту изменить их суть: первородный грех – не выдумка, предопределение – не байка, но они могли быть знамением. Добрым знамением. К святости приобщались после освобождения от грехов.

Что до разводов... то они случались. Редко. Но случались. Развод разрешался. По крайней мере, официально. Досудебное примирение всегда было предпочтительнее тяжбы, поскольку в конце концов то была община святых. Во всяком случае, так было задумано. Реальные основания имелись постоянно: уход от супруга, нищета, двоебрачие, прелюбодеяние (которое поистине должно было караться смертной казнью, как завещал Господь в Книге Левит и Второзаконии, однако на деле ни одного прелюбодея так и не повесили), мужское бессилие, насилие.

Это был жестокий мир, но бить законного спутника жизни тем не менее не позволялось.

По крайней мере, в тех случаях, когда он или она не давали к этому повода.

Мэри Дирфилд знала все это, знала потому, что Господь наделил ее исключительным умом, – что бы ее муж Томас ни говорил. И хотя мозг не помог Энн Хатчинсон¹ (сам Уинтроп² заявлял, что она навлекла на себя беду, когда слишком усердно старалась думать как мужчина) – а много позже он однозначно не поможет женщинам, повешенным как салемиские ведьмы, – Мэри своим разумением понимала, что не сделала ничего плохого и не заслуживает того, чтобы ее били, как тупую скотину. Она бы этого не потерпела. Судя по всему, ее мать и отец – благослови их Господь – тоже не стали бы требовать, чтобы она с этим мирилась.

Конечно, причиной послужило не только насилие с его стороны, и она даже не сводилась к их перепалкам. Не одна лишь его жестокость разрушила их брак, и в ловушку развода их завлекли силы, лежавшие за пределами ее разума. В какой-то момент она поняла, что иногда предпочитает присутствие лишь ангелов и своего Господа, а иногда, наоборот, многое отдала бы за компанию человека.

Потому что даже для разума столь острого, каким обладала Мэри Дирфилд, это было признание собственных низменных желаний и беспокойных демонов, поднимавших голову в минуты, когда свет вокруг мерк.

---

¹ Пуританка, в XVII веке проживавшая в английской колонии в Северной Америке и создавшая свое религиозное течение, не вписывавшееся в ортодоксальные рамки. Была осуждена и приговорена к изгнанию. *Прим. пер.*

² Американский государственный и религиозный деятель. *Прим. пер.*

Книга жены

1

...И так, словно варвар, он называл меня потаскухой и сочинял самую что ни на есть небывальщину о моем поведении, а потом бил меня, чтобы приучить к порядку, словно я дитя невоспитанное.

Прошение о разводе, написанное Мэри Дирфилд, из архивных записей губернаторского совета, Бостон, Массачусетс, 1662, том III

Молодые люди, впервые взявшие в руки косу, совершают две ошибки: они пытаются работать исключительно руками и делают излишне широкие взмахи. Они нападают на траву, как будто считают, что та вскочит и убежит, если они не убьют ее сию же секунду. Обычно отцы или дяди показывают им, насколько лучше спорилось бы дело, работай они еще и спиной и делай взмахи почти небрежно, лениво и размеренно. Отвести лезвие назад, руки – на выступах черенка, правая нога идет вперед, затем резко опустить косу, представить, что серп лезвия – это кончик маятника на высоких часах, а левую ногу тем временем направить вперед. Вот как надо.

Если лезвие достаточно острое, то большие пучки травы будут сыпаться под натиском металла по мере продвижения по полю, а руки не превратятся в чугун.

В первый раз, когда муж Мэри Дирфилд ударил ее, она не соотнесла его движение с покосом: ей было очень больно, и она совсем растерялась. Кожу жгло. Зато во второй раз, спустя полгода, как раз перед ее двадцатым днем рождения и сразу после первой годовщины их свадьбы, она обратила внимание, что муж ударил ее так, как опытный работник косил бы траву. Его рука взлетела вверх легко, и движение вышло ловким и точным. По дуге. Мэри отлетела на стол из тыквенной сосны, оловянные подсвечники попадали, кружка с крепким сидром, из которой пил муж, опрокинулась, содержимое полилось на пол и на поднос с ужином. И все равно она явственно видела перед собой мужчин на покосе – воспоминания в голове представляли ярче, чем перед глазами: растекавшийся по тушеной тыкве сидр, ритмичные и размеренные движения их торсов и рук.

Он назвал ее потаскухой, она ответила, что он и сам знает, что это не так. Он сказал, что видел, как она заглядывается на других мужчин, тех, кто помоложе, как она смотрит на них похотливым взглядом. Она ответила, что это неправда, но подумала, что он сейчас снова ее ударит. И приготовилась к этому удару, вжала голову в плечи и закрыла лицо руками. Но он не тронул ее. Дрожал от гнева, как ни беспочвенно было его чувство, а Мэри надеялась: и от нахлынувшего раскаяния, но муж все же сдержался.

Вместо этого он вылетел наружу, оседлал Сахарку, красивого восьмилетнего серого с черной гривой мерина, и был таков. Она прижала пальцы к щеке и подивилась жару кожи под ними. Там собирается кровь? Будет опухоль, это неизбежно, и женщина порадовалась,

что они одни. У нее голова шла кругом от стыда. Мэри взяла его кружку, прижала холодный металл к тому месту, куда он ее ударил, и села на свой стул. Она размышляла над загадкой: *«Как получается, что я чувствую себя униженной, когда я одна? Разве для этого не нужен зритель?»*

Четыре года спустя муж Мэри Дирфилд храпел подле нее в постели. На публике никто никогда не видел его в разгульном или агрессивном опьянении, может быть, поэтому его ни разу не штрафовали и не отправляли под стражу. Гнев он придерживал для дома и редко (если вообще когда-нибудь) позволял себе срываться в присутствии молоденькой служанки Кэтрин или когда приезжала погостить его взрослая дочь. Мэри показалось, что она теперь слышит, как девушка спускается вниз, к очагу, но, возможно, ей это почудилось. Скорее всего, это был ветер.

Брат бедной девушки умирал. Это был близнец Кэтрин, но из них двоих телесной слабостью отличался именно он. Им было по восемнадцать. Вряд ли ему суждено пережить эту осень. Как и сестра, он был в услужении. Сегодня вечером, Кэтрин говорила, он смог немного поесть и даже проглотил чуть-чуть мяса, но все равно при таком слабом здоровье несколько кусочков свинины вряд ли спасут юношу от угасания.

Когда ночью муж Мэри вернулся из таверны, она сделала вид, что спит. Он пришел очень поздно. Она чувствовала, что он на нее смотрит, но знала, что не станет будить ее и извиняться за то, что ранее вечером избил. (И, конечно, он смотрел не потому, что подумывал о соитии. Об этом не могло идти и речи после того количества, что он выпил.) За эти годы у них появилась своя традиция. Он пил, затем бил ее и уходил, чтобы пить дальше. На следующий день просил прощения. Она полагала, что завтра утром он также извинится за свое сегодняшнее поведение. Будет обличать свою греховность, потом пойдет в церковь. Мэри вспомнила, из-за чего они повздорили: сад зарос, выглядел запущенным, и муж счел, что это бросает на него тень. По крайней мере, с этого все началось. Она знала, что у него есть и другие демоны, вонзающие в него острые, как иглы, зубы.

Томасу было сорок пять, он был чуть менее чем вдвое старше жены. Мэри стала ему второй женой, первая – в девичестве Анна Друри – умерла восемь лет назад, вскоре после того, как семья Мэри приехала в колонию: лошадь Томаса ударила ее в челюсть и сломала шею. В тот вечер Томас застрелил скотину, хотя вплоть до того ужасного события животное вело себя очень смирно. С Анной они родили троих детей, двое из которых умерли в детстве, а третья дочка, Перегрин, уже выросла. Она вышла замуж всего за несколько недель до брака отца с Мэри. Соответственно, Мэри никогда не жила с Перегрин под одной крышей, чему она была только рада, поскольку женщины были примерно одного возраста. Будучи с ней почти ровесницей, Мэри в то же время приходилась Перегрин мачехой; хотя она и представить себе не могла, как бы воспитывала кого-то одних с ней лет. Перегрин была ей скорее сводной сестрой, чем падчерицей, пусть и той, которая, как подозревала Мэри, не любила ее просто потому, что она не Анна. Теперь у Перегрин были свои дети, а это значило, что Мэри в свои двадцать четыре года стала бабушкой. Мысли об этом факте наводили на нее печаль и тревогу.

Мэри закрыла глаза и прислушалась к звукам осенней ночи. С деревьев на рыночной площади листья еще не облетели, и пастбища пока не превратились в пустыри, но скоро растения оголятся, и вместе с полной луной наверняка придет жестокая стужа. Лунному диску уже недолго осталось расти. Мэри коснулась лица там, куда Томас ударил ее, предполагая, что

завтра утром люди могут спросить, что случилось. Так, придумывая правдоподобное объяснение синяку, Мэри погрузилась в глубокий сон.

2

Я частый гость в тавернах и трактирах. Я этого не скрываю и не прошу прощения ни у суда, ни у Господа. Но хоть раз меня штрафовали за то, что я выпил слишком много? Нет. Или меня секли публично за непристойное поведение? Конечно, нет. Я и моя деятельность хорошо известны этому собранию. И пусть во мне есть зло, пусть сердце мое не чуждо греху, и у меня есть причины часто каяться перед Господом, истина заключается в том, что я всегда и во всем старался возносить Ему хвалу. Хоть в конце мне и придется ответить за многочисленные свои прегрешения, мое отношение к жене, Мэри Дирфилд, не будет среди их числа.

Показания Томаса Дирфилда, из архивных записей губернаторского совета, Бостон, Массачусетс, 1662, том III

Мэри Дирфилд знала, что она красива. Глаза ее были чистейшего голубого оттенка, кожа – бледная и гладкая, словно фарфоровая посуда, из которой они порой ели еще в Англии, когда она была маленькой девочкой, поэтому иногда она опасалась собственного тщеславия: ей казалось, что это знак, призывающий пристально следить за собой. Это плохо, если ты преисполнен гордыни.

Однако, одеваясь в церковь, она с облегчением поняла, что Томас ударил ее в висок как раз так, что синяк можно скрыть под чепцом, если туго завязать его вокруг лица. В начале этого лета ей пришлось сказать соседям, что ночью ударилась о вешалку для одежды, после чего все потешались над ее неуклюжестью – все, кроме матери, которая, по опасениям Мэри, гадалась об истинной причине появления черно-синей отметины.

Сегодня служба начнется в девять, закончится к полудню и возобновится в два. В этом году лето выдалось хорошее, дождей и солнца было как раз столько, что люди успели три раза заготовить на зиму сено, а урожай на полях вырос такой, какого Мэри не помнила со времени своего приезда в Массачусетс. Тыквы вымахали размером с маслобойку. Сегодня будет служба, во время которой нужно будет преклонить голову перед милостью Господа и поблагодарить его за такую удачу. Дьявол, что примечательно, отсутствовал, разве что не считая смерти двух младенцев на Мальборо-стрит и его визита к бедному умирающему брату Кэтрин. Справедливости ради стоит сказать, что несчастный Уильям жил в доме, хозяева которого при строительстве не заложили в фундамент бычью кость и не покрыли солью ни один из кирпичей в трубе, – об этом все знали. Некоторые полагали, что кончина младенцев – работа ведьм, а не Дьявола, но Мэри считала, что все эти гипотезы – чистейшей воды абсурд. Дети умирают постоянно. Она ничего не видела и не слышала по поводу того, чтобы у кого-то из женщин в округе проявились признаки одержимости. Если Дьявол вербовал себе прислужниц этим летом, то все это происходило на юго-западе, в Хартфорде.

В этом году действительно были чудесное лето и самый что ни на есть замечательный сентябрь. Мельница ее мужа всю осень и зиму будет молоть пшеничную и кукурузную муку, так что, возможно, он будет в хорошем расположении духа. Когда занят, он счастлив и пьет сидр и пиво, только чтобы утолить жажду, не больше того. Вчерашний вечер, говорила она себе, готовя платье к церкви, повторится еще очень нескоро. Не раньше, чем через несколько месяцев. Он на самом деле не напивался так часто. Скоро муж проснется, возможно, заметит, что она разглядывает свое отражение или поправляет за завтраком воротник и манжеты, и ласково попеняет ей за самолюбование. Он извинится, и снова все будет хорошо.

Или, по крайней мере, неплохо. Терпимо.

Она слышала, что внизу Кэтрин открыла банку с патокой и готовит им завтрак. Мэри проверила еще раз, что чепец надежно скрывает синяк, и спустилась вниз по ступенькам – она всегда ценила эту роскошь, так как многие соседи в этих случаях пользовались исключительно приставной лестницей, – и, миновав гостиную, присоединилась к девушке на кухне.

– Хорошего воскресенья тебе, Кэтрин, – поздоровалась Мэри.

Та улыбнулась и слегка склонила голову.

– Я не слышала мистера Дирфилда, – сказала она. – С ним все хорошо?

– Мы с минуты на минуту его услышим. Он еще спит.

Она заметила, что Кэтрин уже убрала к стене лавку, служившую ей постелью, и накрыла стол к завтраку. У служанки не было своей комнаты на втором этаже, как у хозяев, она спала на кухне или в коридоре. Мэри знала, что по бостонским стандартам дом у них отменный – как же иначе при муже-мельнике, – но он не шел ни в какое сравнение с тем, в котором она выросла в Англии. Здесь у них было шесть комнат на двух этажах, не считая подвала, но вместе с кладовой за кухней. (Ей приходилось сильно пригибаться, направляясь туда, и потому тот угол дома Кэтрин посещала чаще нее.) На первом этаже были уютная передняя, гостиная и кухня, на втором – две просторные комнаты. Между кухней и передней располагался внушительный очаг, в прихожей находился еще один, поменьше, и даже на втором этаже был скромный камин – в комнате, которую Мэри делила с Томасом. Она могла назвать разве что с десяток других домов с тремя каминами и тремя трубами, причем один принадлежал губернатору, второй – пастору материнской церкви, а остальные – самым богатым бостонским купцам и торговцам, в числе которых был и ее отец.

Она продолжала надеяться, что когда-нибудь вторая спальня будет принадлежать ее детям – как некогда у дочери Томаса от первого брака была своя комната в том доме, что построил ее отец, – но в какой-то момент поняла, что этому вряд ли суждено случиться. Ведь они прожили в браке уже пять лет.

– Вчера он вернулся поздно, – сообщила Кэтрин, имея в виду Томаса, но в интонации ее голоса не прозвучало ни малейшего намека на неодобрение. Впрочем, подобного она никогда не допускала. Девушка даже заглядывалась на Томаса. Мэри видела, как порой та краснела в его присутствии и как неукоснительно следовала его наставлениям, точно словам пастора. Она вертелась вокруг него и иногда ходила по пятам, словно вышколенная собака.

– Это так, – согласилась Мэри, взглянув на горшок на огне и остановившись послушать умиротворяющие трели горлиц, устроивших гнездо на дубе напротив окна из кухни. Они продолжали ворковать, когда до женщины донеслись звуки со второго этажа, и она тут же отвлеклась от птиц, полностью сосредоточившись на спальне наверху. Иногда ей удавалось угадать настроение мужа просто по первым звукам, издаваемым им утром. Если его день начинался с довольного протяжного зевка и потягиваний, значит, он останется в хорошем расположении духа как минимум до полдника. Если, напротив, его легкие были забиты и день начинался с кашля и плевков, то настроение его будет прескверное, и Мэри останется только надеяться, что Томас пробудет на мельнице до вечера и придет домой только к ужину.

Она слышала, как его ноги гулко соприкоснулись с паркетным полом под аккомпанемент звука, напоминающего урчание огромного котяры: такое низкое рычание Томас Дирфилд издавал, когда прекрасным утром отходил ото сна, вполне довольный жизнью.

Ей хотелось взглянуть на Кэтрин и убедиться, что та услышала то же самое, но при девушке мужчина вел себя как заботливый глава семьи. Служанка могла только догадываться о крутом нраве хозяина, но никаких крайностей у него не замечала, а если он при ней и раздавал жене команды, то они не выходили за рамки благоразумия. К тому же Мэри отказывалась признавать, что мир и покой в ее доме держатся на волоске, поэтому она только взяла с полки псалтырь и стала искать псалом, с которого Томас любил начинать день.

Найдя молитву, она отметила нужную страницу и оставила томик рядом с едой, которую ей предстояло разделить со своим мужем.

Томас спустился вниз полностью одетый, разве что без мокасин и плаща. Мэри хотела было заговорить: спросить, как он спал, хорошо ли себя чувствует, что угодно, чтобы заверить его, что в присутствии Кэтрин она намерена выказывать ему одно лишь уважение, – но, подойдя к ней, он положил одну руку ей на талию, а указательный палец другой прижал к ее губам и сказал:

– Прошу тебя, не говори ничего. Вчера вечером я был в омерзительном настроении и выместил его на тебе. Я очень, очень сожалею и буду просить Господа о прощении. А ты попросишь его за меня?

Он поцеловал ее в лоб, и, даже несмотря на щекотку его усов и бороды, она поразилась, как высохли за ночь его губы. Мэри начала что-то говорить, но он покачал головой и сказал служанке, стоявшей у очага:

– А, Кэтрин, доброго воскресенья. Как мудро ты поступила вчера вечером, когда пошла навестить своего брата. Я вел себя как чудовище с этой достойной женщиной. Как монстр.

– Я не уверена, что это возможно, мистер Дирфилд.

– О, поверь мне: это так. И оно со мной случилось. Я много работал, потом выпил слишком много, и, не успев ничего понять, был охвачен демонами. Но расскажи мне о твоём брате. Как он?

– Кажется, получше. Он немного поел.

Мэри почувствовала, что муж уже не так крепко сжимает ее талию, и, посмотрев на него, увидела его улыбку. Он подмигнул ей. Томас по-прежнему был очень красив, когда улыбался. Но тут же все его внимание переключилось на Кэтрин.

– Когда доктор Пикеринг был у него в последний раз?

– Кажется, в пятницу.

– Ему пускали кровь?

– Да, сэр. Пускали кровь и поставили банки.

– Может быть, завтра ему снова можно будет отворить кровь. Уильям – крепкий парень.

– Дай Бог, чтобы так.

Томас перевел взгляд на псалтырь и сказал:

– О, Мэри, ты выбрала правильный псалом. Чудесно! Давайте садиться.

Кэтрин поставила горшок с кашей прямо на стол и присоединилась к ним, пока Томас вслух читал псалом и произносил молитву. Закончив, он сделал добрый глоток пива и приступил к еде.

В Плимуте, на юге, было время, когда барабанная дробь служила для сепаратистов сигналом, что пора идти в церковь. Прихожане собирались у дома капитана и маршировали к молитвенному дому, выстроившись за барабанщиком в три шеренги. Ничего подобного уже

не проводилось без малого двадцать пять лет, с 1630-х, но Мэри до сих пор не могла взять в толк, как можно ходить в церковь как на поле боя.

Здесь все было устроено значительно цивилизованнее. На колокольне материнской церкви звонил колокол, а прихожане не сходились с таким видом, словно готовились к схватке. Они приходили, каждый со своей семьей, как будто и не покидали Англию, с той лишь разницей, что они с Томасом расходились у дверей, чтобы он сел с мужчинами, а она – с женщинами и маленькими детьми. В то утро Мэри сидела рядом со своей матерью в третьем ряду слева, вместе с Кэтрин и служанками матери, Абигейл Гезерс и Ханной Доу.

Вскоре после того, как преподобный Джон Нортон приступил к молитве, она поняла, что сегодняшнее воскресенье не будет преисполнено ни изъявлений благодарности, ни траурного плача со стороны прихожан. Проповедь была более интеллектуального толка, и люди реагировали соответственно. Ей самой будет непросто сосредоточиться, поэтому она села прямо, стараясь не расплывать внимание. Однако ее мысли блуждали, и в какой-то момент она поняла, что разглядывает мальчиков и девочек. Женщина смотрела на семьи – разделенные проходом, да, но она все равно связывала мужчин с их женами и детьми, потому что, конечно, Бог именно так и смотрит на них. Она оборачивалась и поглядывала на малышек на скамейках сзади, которые крутились на своих местах, а матери умирляли их шепотом или слегка ущипнув, и ей бросились в глаза пышные кудряшки, выбившиеся из-под шляпки какой-то девочки.

Она напонила себе, что в свои двадцать четыре и сама еще недалеко ушла от маленькой девочки, хоть уже и бабушка, и замужем за мужчиной, чья борода выглядит так, словно покрыта инеем. У Перегрин, дочери Томаса, и ее мужа уже двое детей, причем девочка достаточно большая, чтобы самостоятельно сидеть на лошади, если ее ведут под уздцы.

Когда они закончили со Священным Писанием и псалмами и перешли к проповеди, Мэри продолжала завороченно смотреть на женщин, бывших замужем, здоровыми и все еще достаточно молодыми, чтобы рожать детей. Она смотрела и на своих ровесниц, качавших на руках младенцев, например на Руфь Сиулл, на крестинах ребенка которой, Ричарда – такое солидное имя для малыша, подумала она, – была этим летом. Довольно долго Мэри не могла оторвать взгляд от Перегрин и двух ее деток и почувствовала, как мать берет ее за руку и сжимает, кивком призывая обратить внимание на пастора.

Утро все тянулось, и стало ясно, что сегодня – одно из тех воскресений, когда ей вряд ли удастся сосредоточиться на пророчествах и поучениях, но она приложит максимум усилий. Мэри проверила, что чепец прикрывает синяк, глубоко вздохнула и перевела взгляд на лицо пастора – вытянутое, с острой бородой, – слушая, как он говорит о корыстолюбцах и мирянах, которые на первый взгляд могут казаться благочестивыми, порядочными и целомудренными, но вводят себя в заблуждение, полагая, что горстка добрых дел способна искупить их грехи.

Пегрегрин с мужем – молодым плотником, лицо которого имело следы яростной схватки с оспой, перенесенной в детстве, – а также с их детьми пришла на обед в перерыве между церковными службами. Ее супруга звали Джонатан Кук. Хотя он приходился Мэри зятем, был лишь на шесть месяцев старше ее. Парень ей нравился, и она вместе со своей падчерицей искренне смеялась над его шутками про диких индеек, лобстеров и других забавных животных, представленных на столе. Джонатан был красив, высок, подтянут, с волосами цвета сладкой кукурузы («*Совсем как у меня*», – подумала Мэри, когда их познакомили). Она видела его этим

летом, когда он строил дом, его оголенные руки сильно загорели на солнце, а волосы стали почти белыми.

Джонатан прожил в колонии почти столько же, сколько и Мэри, уже около девяти лет, но по-прежнему иногда мог себе позволить отпустить непристойную шутку, как будто они по-прежнему находятся в Англии. Мэри не знала, понимала ли Перегрин двусмысленные фразочки юноши несколько лет назад, в период его ухаживания за ней, но теперь, будучи замужней женщиной, – наверняка. Томас считал, что Джонатан живет не по средствам, но признавал, что честолюбия тому не занимать: парень хотел в будущем начать свое дело, чтобы другие плотники работали на него. С учетом того, что город разрастался, расширялся во все стороны и разве что не уходил в море, это представлялось вполне возможным.

Томас помянул брата Кэтрин, Уильяма, в своей молитве, прежде чем они приступили к еде, и Мэри заметила, что служанка молча склонила голову. Ни Кэтрин, ни Уильям еще не были приняты в лоно церкви, и если девушке, судя по всему, нравились службы, то про Уильяма до Мэри доходили слухи, что до болезни он посещал их только потому, что того требовал закон. Внезапно она ощутила прилив несомненной гордости за красноречие и великодушие своего мужа. Были люди, знавшие Уильяма, которые и не подумали бы помянуть его в своих молитвах.

– Благодарю вас, – произнесла Кэтрин, когда он закончил, и посмотрела на Томаса с почтением.

– Не стоит благодарности. В самом деле.

– Нет, сэр. Это так...

– Я не врач. Это все, что я могу сделать для твоего брата, но я рад помочь ему хотя бы этим. И пусть Господь будет к нему милосерден.

– Аминь, – сказал Джонатан, вонзил ложку в лосося, которого поставили перед ним и Перегрин, и стал ломать его на маленькие кусочки для своих детей. Через некоторое время он повернулся к Мэри и спросил: – Откуда такой синяк? Выглядит очень нехорошо.

– В самом деле, – подтвердила Перегрин, протянула руку и кончиками пальцев отодвинула край чепца за ухо Мэри. Мэри могла бы остановить ее – отвести руку в сторону и успокоить, что ничего страшного, совершенно ничего такого, – но ее как будто парализовало при мысли, что ленты чепца развязались, а в голове уже пронеслась молитва: *«Господи, прошу тебя, хоть бы чепец развязался, когда я помогала Кэтрин с обедом, а не в церкви. Прошу тебя, Господи...»*

– Ты что, упала? – спросила падчерица, взглянув на лестницу, которая вела в комнаты на втором этаже.

– Нет, – ответила Мэри, пожалев, что не подумала об этом раньше. Она уже не могла снова сказать, что ударилась о вешалку. Во второй раз это неправдоподобно. Никто этому не поверит. – Я...

– Это был «паук», – сказал Томас, имея в виду массивную чугунную сковороду с ножками. – И вина только на мне. Вчера вечером Кэтрин ушла к брату, и я предпринял робкую попытку помочь Мэри с ужином. Я ударил ее ножкой, когда поднял сковороду, – когда пытался быть хоть чем-то полезным.

– Чудо, что у тебя нет ожогов, – заметил Джонатан, изумившись, хотя и с неким облегчением.

– Она была негорячая, – заверила его Мэри, и это было почти правдой, решила она, ведь в то время «паук» действительно был холодным. – Мы готовили только гороховую похлебку, – продолжала она, – так что я даже не нагревала «паука».

– А-а-а.

– Тебе все еще больно? – спросил Томас. – Скажи мне, что нет.

– О, я даже не заметила, что у меня синяк, – ответила Мэри, взяла Томаса за руку и пожала ее. Потом отпустила и вновь завязала чепец.

Той ночью Томас залез на нее, и они занимались любовью, но ощущения, как всегда, были не те, когда она ласкала себя. Она попыталась заснуть, когда он закончил и стал храпеть, и быстро помолилась о чуде, чтобы ее лоно каким-то образомхватило семя ее мужа и она бы понесла первого ребенка до первого снега. Но женщина все еще была возбуждена и знала, что не уснет, пока не завершит начатое мужем.

Мэри не тревожилась из-за того, что когда ее муж засыпал крепким сном на ложе рядом с ней – иногда пьяный, всегда уставший, порой и то и другое, – ее тело было в таком состоянии, что она задирала ночную сорочку и удовлетворяла себя. Не особенно волновало ее и то, что ощущение – волны дрожи и удовольствия, тяжелеющие веки, когда она тоже погружалась в сон, – ни разу не приходило, когда муж, пыхтя, забирался на нее и они совокуплялись. Ей даже не было стыдно за то, что она занимается чем-то неправильным, поскольку ее личная маленькая (она не использовала слово «привычка», потому это не вошло, не вошло, *не вошло* в привычку) тайна стала самым ярким наслаждением из всех, что присутствовали в ее жизни.

И, конечно, муж не из-за этого обозвал ее потаскухой вчера вечером. Он не потому ударил ее. Он понятия не имел о ее открытии, что она может делать с собой. Никто не знал, ни одна человеческая душа. Нет, главным образом ее тревожило то, что она не могла решить, было ли это маленьким даром Бога, поскольку он не подарил ей детей, или пороком, накликаемым Дьяволом, который был призван помешать ей зачать. Навеки.

Иногда она задумывалась, не значит ли это, что она проклята. Такие мысли приходили ей по воскресеньям, когда она кипятила воду для стирки. Они вторгались в ее голову, пока она ухаживала за травами в саду или заливала горячий воск либо сало в оловянные свечные формы. Тревожные, непрошеные, они преследовали ее, когда она чинила плащ, брюки или рубашку. Так или иначе знаки присутствовали повсюду, необходимы были лишь соответствующие познания для их объяснения.

Однако порой ночами, когда солнце уже давно закатилось, даже этот страх не мог заставить ее держать руки между ночным чепчиком и подушкой, когда она чувствовала прилив возбуждения: она убеждала себя, что не приговорена к аду, поскольку во всех других отношениях ведет добродетельную жизнь. Достойную жизнь. И хотя она понимала, что одними только трудами не обрести спасения, тот факт, что она отчаянно хотела поступать правильно, представлялся ей хорошим знаком.

Когда ее руки были меж бедер, она думала о мальчике, которого когда-то знала в Англии. Он поступил в Кембридж и стал архитектором, и отец мог бы позволить ей выйти за него замуж, не проделай их семья долгий путь до Бостона. Неужели Дьявол вложил эти фантазии в ее голову? Она решила, что нет, поскольку лицо юноши было поистине ангельским, и она поверить не могла, чтобы даже сам Дьявол осмелился бы искушать кого-либо подобным чистым ликом.

Когда она закончила, кровать скрипнула: деревянные суставы, скрепленные веревками под матрасом, ударились друг о друга. Мэри понадеялась, что Кэтрин внизу спит, но, если нет, она просто решит, что это хозяин перевернулся во сне.

«Я как челн, полный секретов», – думала Мэри и представляла себя на обломках корабля, а вокруг – бесконечную водную гладь.

Недавно она представляла собственного зятя, Джонатана Кука. Когда она увидела его мысленным взором, услышала его голос, увидела глаза и губы – попыталась оттолкнуть его, отогнать образ, потому что осознание того, что в такие моменты она представляет его, доставляло ей почти невыносимые муки совести. Но лишь отчасти. Что Господь думает о ней, когда она думает о Джонатане? Какое отвращение возникло бы у Перегрин, ее падчерицы?

Она вспомнила, как однажды дочка Джонатана и Перегрин сидела у нее на коленях и, когда он взял ребенка на руки, их щеки соприкоснулись, а губы сблизилась. Это было случайно. Но неизбежно. Как в тот раз, когда она надела юбку, недавно полученную из Лондона, и они пошли вниз по улице после церкви, он сделал ей комплимент, всего лишь в знак вежливости, но его пальцы коснулись ее поясицы. Она не задумываясь обернулась, их взгляды встретились, и на кратчайший миг ее охватило ощущение, что он пытается ей что-то сказать. Но в следующую секунду он уже отвел взгляд и начал что-то говорить Томасу о строящемся доме.

Строчка из стихотворения Анны Брэдстрит вилась где-то на задворках памяти и никак не желала вспомниться, когда она провела пальцами по краю сорочки, чтобы вытереть их. Это были любовные стихи, которые ее престарелая соседка написала своему мужу Саймону, бывшему какое-то время их губернатором; и она знала, что Анна смутилась, когда ее произведение включили в сборник. Но поэтесса не подозревала, что ее брат собрался издать книгу, забрав с собой в Англию кипу ее стихотворений. Он уехал в 1650-м и спустя год вернулся в колонию со связкой томов.

Стихотворение, думала Мэри, было о том, как Анна скучала по Саймону, когда он отправлялся по делам, что случалось нередко. Ей стало грустно, оттого что сама она никогда не стала бы скучать по Томасу, если бы ему пришлось куда-то уехать. И было прискорбно сознавать, что, хотя он лежит подле нее в постели, на пуховом одеяле – такая роскошь в этом странном, нищенствующем мире, – его образ даже не появляется среди мужчин, проносящихся перед ее мысленным взором, когда ее пальцы тянутся между бедер и удовлетворяют гипнотическое исступление, переполняющее ночами ее душу.

3

Это бесстыдная, нечестивая, похотливая женщина. Своими грехами она навлечет гнев Господень не только на себя, но и на то место, где живет.

Показания матушки Хауленд, из архивных записей губернаторского совета, Бостон, Массачусетс, 1662, том III

После того как Мэри и Кэтрин в понедельник утром собрали последние тыквы и кабачки в огороде, обе женщины направились к дому Питера и Бет Хауленд, чтобы повидать Уильяма, брата Кэтрин. Во дворе несколько детей, мальчики и девочки, играли в камушки, и Мэри обратила внимание, что у маленькой Сары Хауленд на соломенной шляпке повязана великолепнейшая желтая шелковая лента.

Ставни были закрыты, и в доме Хаулендов было темно, хотя на дворе стоял полдень. Мэри сразу же почувствовала запах болезни, несмотря на то что Бет, жена Питера, варила в очаге суп со шпинатом, смородиной и луком.

Врач еще не приехал, Кэтрин удалилась в небольшую комнату в задней части дома, где ее брат лежал в лихорадке, а Мэри осталась в зале вместе с Бет и стала показывать хозяйке, что она принесла.

– От нарывов и язв помогает окопник, – начала она, – а вот укроп из нашего огорода.

– Укроп?

– Иногда его применяют, чтобы больного меньше тошнило. А вот мята, чтобы у него появился аппетит.

– От одной мяты он есть не станет. И одним укропом не обойдешься, чтобы остановить его позывы, – возражала Бет. Она была высокой, грузной и как минимум лет на десять старше Мэри. Она растила троих детей, а потеряла и того больше. У нее были пронзительные черные глаза, под которыми в тот день залегли глубокие темные мешки.

– Пусть так, мы помогаем чем можем, – отвечала Мэри.

– Мэри, твои средства...

– Мои средства помогли людям избавиться от многих недугов.

– Твоя наставница была ведьмой.

– Констанция Уинстон? Она не была моей наставницей, и она вовсе не ведьма. Она не ведьма. Она...

Мэри как будто со стороны слышала, как ее голос сходит на нет. Два года назад она впервые отважилась отправиться на перешеек, на боковую улочку рядом с Виселичным холмом, когда до нее дошли слухи, что живущая там старуха, Констанция Уинстон, помогает женщинам-пустоцветам. К тому моменту они с Томасом были женаты чуть менее трех лет, и за все это время ее цикл ни разу не прерывался. Констанция посоветовала крапиву, вымоченную в чае, а когда крапива не возымела действия – масло мандрагоры. Ни одно средство не помогло, хотя рвотные позывы после мандрагоры ненадолго подарили Мэри надежду, что она в самом деле беременна, – и это только усугубило ее досаду, когда кровь все-таки потекла. Однако Мэри еще шесть-семь раз приходила к той женщине и многое узнала о других снадобьях. Она не видела Констанцию уже больше года и ощутила укол стыда, оттого что не навещала ее так давно. Не то чтобы у Мэри было слишком много дел – не было. Просто странности Констанции все сильнее тревожили ее. По крайней мере, именно так Мэри обычно перед собой оправдывалась. В те минуты, когда она хотела быть с собой абсолютно честной, сидя в одиночестве в своей спальне, склонившись над дневником, она думала о зловещих слухах, что доходили до нее, о Констанции и ее дружбе с ведьмой Анной Гиббенс, которую повесили не так давно.

Сплетни множились, и Мэри не хотела, чтобы ее каким-то образом связывали с ними, она и не думала рисковать своей репутацией в этой жизни и душой – в следующей.

– Ну, кто она? – давила Бет. – Просто старая сумасшедшая?

– Нет, и этого о ней сказать нельзя. Но она мне ни учитель, ни друг.

Бет махнула рукой и сказала:

– Ладно. Мне все равно. Делай как знаешь, лишь бы мальчику хуже не стало.

– Он вообще просыпается или почти все время спит? – спросила Мэри.

– Иногда пробормочет слово-другое, но не думаю, что он приходил в сознание со вчерашнего утра, перед тем как мы пошли в церковь. По-моему, это был последний раз.

Мэри кивнула. Вряд ли окопник и укроп способны чем-то помочь мальчику.

– По контракту ему еще пять лет осталось, – продолжала Бет, качая головой. – А он так долго хворый лежит.

– Это была бы огромная потеря, – согласилась Мэри.

– Детям он стал как старший брат, особенно мальчикам. Они очень-очень грустят, просто все.

– И ты – тоже, я уверена.

– Да. Он мне помогал. Питеру помогал. Он был...

– Прошу тебя, не «был», он еще с нами.

Матрона вздохнула.

– Как хочешь: он сметливый слуга. Божий человек, хотя и больной. Язвы у него сейчас по всем рукам, и тело все в огне. Лоб как сковородка. Жарить на нем можно.

– Ты говоришь так зло. Ты...

– Я и злюсь! – огрызнулась Бет, и Мэри мысленно поблагодарила ее за то, что та не повысила голоса: так Кэтрин ее не услышала бы. – Вместе с Уильямом мы потеряем приличные деньги и хорошего работника.

– Я сожалею.

– Кэтрин той же породы. Вы еще намахаетесь с ней.

– Бет!

– Я не желаю тебе зла.

– Однако ты это показала.

– Вовсе нет. Я всего лишь сказала правду.

– Иногда, говоря вслух...

– Мы озвучиваем свои мысли. И все. Слова – не зелья.

«Нет, – подумала Мэри, – не зелья, но заклятия». Но не произнесла это вслух. Она знала, что Бет Хауленд и так все поняла.

– Я сейчас видела Сару снаружи, – сказала она, чтобы не спорить и поговорить о шестилетней дочке хозяйки. – Очень милая ленточка на шляпке. Там были и другие дети, только не ее братья. Мальчики где-то гуляют?

– Где-то бродят. Может, пошли в гавань смотреть на корабли. Не удивлюсь, если Эдвард решил поглядеть на отца. Тоже бадейщиком будет, помани мое слово. Родился со сверлом в одной руке и рубанком – в другой.

Кэтрин вышла из комнаты, где лежал ее брат, лицо ее не выражало каких-либо сильных эмоций. Она взглянула на Бет и спросила:

– Можно мне взять еще одну тряпку, чтобы вытереть Уильяму лоб?

– Да, конечно, – отозвалась Бет с ноткой раздражения в голосе. – Сейчас принесу.

Вместе со служанкой они направились к комоду, Мэри подошла к входной двери и выглянула наружу, чтобы взглянуть на дочку хозяйки. Девочка была такой маленькой. Когда она смеялась, Мэри заметила дырки между ее зубами там, где выпали молочные и прорезывались

коренные. Мэри подумала, что у малышки милая, заразительная улыбка. Когда она смеялась, другие дети вторили ей.

Мэри помолилась, о том, что, если Господь когда-нибудь ниспошлет ей ребенка, пусть это будет девочка с таким же смехом, которую она тоже сможет одевать в соломенные шляпки с желтыми шелковыми лентами.

Мэри услышала, что у нее за спиной Бет и Кэтрин пошли в комнату больного с тряпкой и миской с холодной водой; она отвернулась от детей и тоже направилась вслед за ними. Там она обработала окопником язвы Уильяма, положила укроп на распухший язык и почитала ему выдержки из календаря. Один раз по его телу прошла дрожь, но, если бы простынь изредка не вздымалась на его груди, со стороны можно было бы подумать, что Мэри читает вслух труп.

В то утро Кэтрин не вернулась домой вместе с Мэри. Она не отказывалась работать, но Мэри видела, что девушке больно оставлять брата в такой слабости и немощи. К тому же Бет нужно заботиться о своей семье, а не об умирающем слуге, поэтому Мэри предложила, чтобы Кэтрин осталась. Она заверила ее, что приготовит обед и ужин и что они с Томасом вполне обойдутся без нее.

Солнце еще стояло высоко в небе, когда Томас вернулся; его дублет был покрыт тонким слоем белой пыли с мельницы. Томас двигался с нарочитой осторожностью, таким образом он всегда надеялся замаскировать тот факт, что выпил слишком много. Его походка напомнила Мэри марионеток, на которых она часто ходила смотреть в пору своего детства, в Лондоне. Внутри у нее что-то сжалось, и по телу прошла небольшая зыбкая дрожь, из-за чего она замерла на месте с тяжелым горшком в руках. Это просто маленькое чудо, что Томас в таком состоянии мог проехать до дома от самого Норт-Энда и не упасть, тем более что по пути ему нужно было пересечь реку и подъемный мост на Гановер-стрит. Мэри напомнила себе, что часто, когда Томас приходил к обеду в таком состоянии, ничего неприятного не случалось. Наверное, он пропустил лишние пинту-другую, когда заключал сделку с кем-нибудь из фермеров. Или, может, утро было вялым, и он пил со своими людьми или работниками с соседней лесопилки.

Увидев ее одну, Томас спросил, где Кэтрин. Мэри ответила, что девушка осталась у Хаулендов со своим братом. Томас кивнул и сел за стол у огня.

– Что она оставила нам на обед? – спросил он.

– После огорода мы сразу пошли к Хаулендам, так что ничего. Но я сварила славную похлебку с травами, которые собрала с утра, и есть хлеб, который я купила у Авдия.

– Ни мяса? Ни рыбы?

– Не было времени. Но если хочешь...

– Мэри, мужчине нужно мясо. Ты забыла об этом?

– Томас, прошу тебя.

– Я задал тебе вопрос, – сказал он. Он говорил размеренно, отчетливо произнося каждое слово, но больше не пытался скрывать свое неудовольствие. Он прищурился. – Ты успела позабыть, что мужчине необходима сытная пища, чтобы выполнять работу, назначенную Господом?

– Конечно, я не забыла. Я просто подумала...

– Подумала? В этом твоя проблема: ты вечно думаешь и никогда ничего не делаешь. Твой ум все равно что... Что?.. Все равно что... сыр. Он даже мягче, чем у большинства женщин.

– Томас, не надо.

Он покачал головой и вздохнул; в глазах, набухших от алкоголя и раздражения, читался упрек.

– Может, поэтому ты и неспособна принять семя. Господу известно, что лучше не трогать женщину, чей ум словно сыр. Белое мясо.

– Что, по-твоему, я должна была сделать? Запретить Кэтрин навещать брата?

Томас как будто раздумывал над ее словами, его лицо налилось кровью. Он взял со стола нож и поднял его перед собой, глядя на него так, будто это было неизвестное животное.

– Ты должна поставить этот горшок – вот что, по-моему, ты должна сделать. Сядь, – приказал он, и Мэри не могла понять, что означал его тон. В нем как будто прозвучала угроза, но, может, это из-за того, что он так держит нож? Мэри поставила горшок и села напротив Томаса, на стул, на котором обычно сидела Кэтрин.

– Нет, – сказал он, – сядь рядом со своим мужем.

Мэри подчинилась, не спуская глаз с ножа. Томас провел пальцем по краю лезвия.

– Не такой острый, как хотелось бы. Не такой острый, каким должен бы быть, – продолжал он. – Вся жизнь моя как будто состоит из тупых предметов.

– Томас...

– Придержи свой змеиный язык. Избавь меня от этого, – он бросил нож на деревянную столешницу. – Даже выючное животное заслуживает отдыха. Я буду есть твою похлебку с хлебом. Но я рассчитываю завтра на мужской обед.

Мэри едва дышала, пытаясь понять, к чему все идет. Поняв, что, по крайней мере сейчас, он не собирается ее бить, она встала, снова взяла чугунный горшок и поставила его на стол, следя за собой, чтобы ни единым жестом не выдать испуга или раздражения. Потом налила овощной суп в деревянную миску. Томас пристально наблюдал за ней. Мэри откупорила бутылку с пивом и налила только половину кружки, надеясь, что он этого не заметит, хотя и пожирает ее глазами. Затем села рядом с ним, ожидая, когда он благословит пищу.

Наконец он заговорил, но это были не слова молитвы.

– Почему не в оловянную тарелку? – спросил он. – Почему ты подаешь мне обед в деревянной миске, как борову?

Мэри поняла, что его гнев не испарился, просто на него набежало облачко. Он еще не выплеснул его весь.

– У меня ничего подобного в мыслях не было, – ответила она. – Иногда мы пользуемся оловянной посудой, иногда – нет. Ты это знаешь. Я спешила, когда вернулась, и схватила первую попавшуюся миску.

– Одно дело – подавать завтрак в деревянной посуде. Но не обед. По крайней мере, не мой обед. Я мельник. Или об этом ты тоже забыла? Или белое мясо позади твоих глаз было так поглощено чертовой вареной морковкой, что забыло о призвании мужа? Думаю, это вполне возможно, Мэри. Ты согласна?

– Мне жаль. Мне очень жаль, Томас. Что еще я могу сказать?

– Тут нечего говорить. Если ты намерена весь день заботиться обо всех, кроме...

С нее было довольно. Она провела день с умирающим братом служанки и матушкой Хауленд. Мэри села как можно прямее и, свысока глядя на мужа, сказала:

– Ты пьян, и я слышу только голос пива и крепкого сидра. Если хочешь есть из оловянной тарелки, я тебе ее достану.

Но не успела она пойти в гостиную, чтобы принести две тарелки из буфета, как он схватил ее за передник и остановил на ходу.

– Можешь принести ее, если хочешь, – сказал он, грозно поднявшись со стула, – но это не будет мне одолжением.

Она подумала, что сейчас он ее ударит, и закрыла лицо руками.

– Нет, – сказал он, – если моя жена твердо решила проводить все свои дни, заботясь обо всех, кроме мужа, то я намерен обедать в таверне, где мне не предложат на обед похлебку и не будут наливать эль так, будто он на вес золота. Полкружки? Какая жадность. Отвратительная скаредность. Жена совсем не так должна относиться к своему мужу.

Он отпустил передник, и она убрала руки от лица. К ее глубокому удивлению, он улыбался, – но это была злая улыбка, ледяная и жестокая.

– Ты как дитя, – сказал он, – ребенок, который знает, что провинился.

Он покачал головой, и она вправду поверила, что ее пощадил. Сейчас он уйдет, и буря минует. Но тут он схватил Мэри за руки – она порой забывала, какой он сильный, – прижал их к ее бокам и швырнул ее на кирпичный пол у камина. Она успела закрыть лицо руками, но сильно ударилась пальцами, локтями и коленом. Она посмотрела на него снизу вверх. Томас взял миску с похлебкой и опрокинул ее на Мэри, густая пряная жидкость еще не остыла, но уже не обжигала. Томас вздохнул и с отвращением мотнул головой.

– Вот вам и тварь Божья: похлебка на ужин, она же Мэри Дирфилд, – сказал он. – Ну, Он же создал змея и осла. Почему бы не создать женщину с белым мясом вместо мозгов?

Он как будто только что заметил, что его плечи и рукава покрыты мучной пылью, и смахнул ее. После чего вышел из дома, не сказав больше ни слова.

Другие мужчины обращаются со своими женами так же, как Томас с ней? Она знала, что нет. Ей лишь непонятно, ведет ли он себя так только из-за своей склонности к возлияниям в тавернах (и дома) или тому есть более веская причина. Он презирает ее потому, что она пустоцвет? И на самом деле считает, что она тупая и что с помощью насилия он просто учит ее уму-разуму? Скрыта ли истинная причина в нем или – что, возможно, хуже – в ней?

Так или иначе, но он, судя по всему, никогда не бил свою первую жену. Но даже если и бил, Перегрин ни разу об этом не обмолвилась. И она совершенно точно не держит зла на своего отца.

Так, отмывая кухню, а затем себя, Мэри с тоской и усталостью думала о порче, что пожирала ее брак.

4

Мы ждем, что мужчина будет наставлять жену с должной мягкостью и деликатностью, в противном случае в браке что-то неладно.

Показания преподобного Джона Нортон, из архивных записей губернаторского совета, Бостон, Массачусетс, 1662, том III

Мать Мэри Дирфилд не одевалась так, как некогда в Англии, – в Новый Свет она взяла с собой только одно атласное платье, – зато теперь она носила одежду различных оттенков лилового, зеленого и золотого, а летом и ранней осенью прятала завязки туфель под огромными розочками из лент. Она, как и Мэри, была красивой женщиной, и, хотя именно этой осенью у нее на голове заметно прибавилось седых прядей, она по-прежнему оставалась обладательницей копны густых и сияющих каштановых волос. Она была невысокой, но держала себя так, что казалась рослой, и, по мнению Мэри, единственное ее разочарование в жизни заключалось в том, что из всех ее детей только Мэри переехала с родителями в Бостон. Чарльз и Джайлз выросли в Англии и открыли там свое дело. Они предпочли не вырывать из насиженной почвы свои цветущие семьи: молодых жен и подрастающих малюток. А у Джайлза уже даже было свое поместье с солидным поголовьем рогатого скота и свиней. Но у Мэри выбора не было. Ей было всего лишь шестнадцать, и, хотя было очевидно, что некоторые знакомые молодые люди в скором времени станут ее кавалерами – причем вполне достойными, – ее отец считал, что переезд в Новый Свет утолит как религиозные чувства, так и желание примкнуть к стремительно развивающейся торговой империи. (Мэри подозревала, что вторая причина была более весомой, но она никогда не высказала бы подобного предположения вслух и пугалась, когда думала о том, *что* такие мысли говорят о состоянии ее души.)

Оглядываясь назад, Мэри понимала, что все ее прежние кавалеры стали бы лучшими мужьями, чем Томас, и брак с кем-нибудь из них принес бы больше пользы ей и ее семье. Но здесь у нее почти не было выбора. У ее семьи почти не было выбора. Да, мужчин в Бостоне было больше, чем женщин, но они либо не приобщались к церкви, либо промышляли сомнительными делами, либо по своему материальному и социальному положению не годились в женихи дочери Джеймса Бердена.

Теперь мать стояла перед ней, в их с Томасом гостиной, в разгар утра в середине недели, спустя несколько дней после того, как Томас швырнул ее на пол, с небольшим отрезом кружева под мышкой – самого восхитительного из того, что Мэри видела в Новой Англии, – и восемь серебряными вилками в руках, каждая размером с ложку. Мэри сразу же поняла, что корабль, которого дожидался отец, прибыл и мать собирается подарить ей кружево, но она не могла взять в толк, зачем та принесла и вилки. У них с Томасом уже был комплект из двух больших двузубых вилок для мяса, одна из которых, конечно же, была серебряной. Но эти маленькие вилочки с тремя зубчиками? Она слышала про эти трехзубые приборы и знала, что это инструменты Дьявола. Пока она раздумывала над тем, как намекнуть на это матери, та уже поняла, *что* на уме у дочери, положила кружево цвета слоновой кости на стол, чтобы Мэри и Кэтрин могли им полюбоваться, и сказала:

– Губернатор Уинтроп купил себе такую вилку, дитя мое.

– Зачем?

Мать вскинула бровь и улыбнулась.

– Пусть он не всегда ею пользовался, но он этого не скрывал. Сейчас она перешла к его сыну.

– Но почему ты хочешь пользоваться таким прибором? И желаешь, чтобы я их взяла?

– Отец говорит, что на нашей родине они сейчас входят в моду.

– Сомневаюсь в этом. У нас на родине людям есть чем заняться, кроме как поддаваться искушению в виде дьявольских зубов.

– Небольшой ящик с такими вилками недавно прибыл на склад твоего отца. Люди пользуются такими, Мэри, даже здесь.

Мэри уже собиралась сгрести все вилки в кучу и вручить их обратно матери, как Кэтрин отложила кружево, взяла одну и поводила ею по воздуху так, будто зачерпывала суп.

– Вот так? – спросила она.

– Думаю, да, – ответила мать Мэри. – Ею также можно протыкать мясо, чтобы его порезать.

– Получается, можно не откладывать нож? Его можно переложить в другую руку и резать?

– Полагаю, да.

Мэри смотрела, как ее мать и Кэтрин улыбались во время этого диалога. Она не могла поверить: ее отец импортирует вилки! Больше она не медлила – сгребла вилки со стола и забрала последнюю у служанки.

– Томас не потерпит этих вилок в своем доме, и я – тоже, – сказала она, протянув серебро матери.

Но мать улыбнулась ей почти дьявольски и положила вилки на полку в буфете.

– Ты переменишь свое мнение, голубка. Уверяю тебя. Это не соблазны Дьявола, а всего лишь подарок твоих родителей.

В тот день у Мэри были дела в городе, и, хотя у нее не было причин уходить так далеко по направлению к пристани в городской бухте, она все-таки это сделала. Она увидела корабль на якоре, привезший товары для ее отца, и постояла там, вдыхая соленый воздух и наслаждаясь прохладным ветром с океана. На поверхности воды колыхалась пелена красных водорослей, а к опорам причала липла ряска. Доски на пристани подрагивали у нее под ногами, и, будто маленькая девочка, Мэри покачалась на них, как будто играя.

Наконец она подошла к краю причала и посмотрела на воды залива. Она знала – отец рассказывал ей, – что еще двадцать лет назад, опустишь здесь на колени и закинь в море сеть – выловишь достаточно рыбы, а стой на берегу и зачерпни в руки горсть песка – обязательно попадется ракушка. Теперь же, чтобы что-нибудь поймать, нужно немного потрудиться. Не то чтобы это был каторжный труд, рыбачить здесь легче, чем в Англии, но город стремительно разрастался. Лобстеры уже пропали из соленых канавок на пляже. Теперь нужно заходить недалеко в море, чтобы поймать их.

По воде плыл ялик, гребцы взмахами весел направляли его по волнам прочь от большого судна, стоявшего на якоре в четверти мили от берега. У другого причала шла погрузка на еще один корабль, и Мэри – вместе с группой мальчишек, которые взялись словно ниоткуда, – наблюдала за работой моряков. Это были молодые загорелые мужчины, и, хотя стояла осень и ветры становились холоднее, солнце еще сияло высоко в небе, а ящики и бочки были тяжелые, и Мэри видела капли пота на их лицах и голых руках. Она знала, что пришла сюда, чтобы посмотреть на них: именно поэтому она прошла пешком так далеко. Но женщина не думала, что это грех или что мужчины посланы ей как искушение. Она считала, что прийти на пристань – это все равно что наблюдать за полетом пересмешника или ястреба либо наслаждаться

ароматом роз, проросших сквозь щели в каменной стене на краю ее огорода. Эти мужчины: парень со светлыми буйными бровями или вон тот, с плечами шириной с бочку и спиной – она просто это знала, – лоснящейся, мускулистой и безволосой под рубашкой, – также сотворены Господом, и в ее сознании они были воплощением красоты, которым можно немного полюбоваться, прежде чем вернуться к своим обязанностям. Мэри готова была признаться себе, что чувства, испытываемые ею здесь, сродни похоти, но в то же время она успокаивала себя тем, что они все-таки не настолько злокачественны и вредоносны.

Тем не менее она понимала, что, спроси ее кто-нибудь, зачем она пришла сюда, она бы ответила, что ищет отца или направляется на его склад. Это была бы неправда, но она знала, что люди мыслят узко и, мягко говоря, сочтут ее поведение непристойным.

Она действительно навестила отца перед уходом, просто на всякий случай. И сомневалась, что какой-нибудь недоброжелатель видел ее здесь, но повода к сплетням все равно давать не стоит.

На складе было болеелюдно, чем обычно, поскольку в него только что перенесли все содержимое корабля, и воздух в помещении впитал в себя всевозможные экзотические запахи: специй, разумеется, но также и больших рулонов ситца, книг (успевших заплесневеть в пути), ковров, начавших подгнивать в море.

Здание склада было ниже, чем амбар ее дедушки в Англии, – с ним ничто не могло сравниться, по крайней мере пока, даже недавно отстроенная городская ратуша со зданием суда и кабинетами чиновников, – но оно было почти такой же ширины и в половину той же длины. Створчатые окна высотой пятнадцать футов выходили как на восток, так и на запад, но днем отец все равно держал двери открытыми, и внутрь лился поток солнечного света, освещая большие ящики с пистолетами, стеклянной утварью и всевозможными железными инструментами: ножовками, петлями, клиньями, навесными замками, скобелями, сверлами, зубилами, молотками, подставками для дров, кочегарными лопатами, пивными кружками, лезвиями для кос и стамесками.

Мэри восхищалась тем, как ее отец – и подобные ему люди, поскольку он был не единственным пуританином, кто мог позволить себе покупать и продавать товары в таких количествах, – обеспечивал всю колонию. В этом помещении, в контейнерах, ящиках и бочках, баррикады из которых вдвое превышали человеческий рост (точно кубики для ребенка великана, подумала она), были кастрюли, сковородки и чайники, что в скором времени найдут приют в кухнях новоприбывших (а новые люди постоянно, все время прибывали), и инструменты, без которых фермерам просто не обойтись. Цепи. Лемеха для плуга. Лопаты. Топоры – мужчины возьмутся за них и будут зло и без усталости рубить деревья; работа, которой не видно конца, поскольку лес тянется... бесконечно.

Здесь же были кровати. Стулья – изысканнее тех, что производились на фабриках Массачусетса. А также пистолеты с ручками из слоновой кости и с медной отделкой, а еще мушкетеры, пиццали и мечи.

Мэри увидела отца, он стоял и разговаривал со своими компаньонами. Один из них, судя по всему, – капитан корабля. Как только отец увидел Мэри, стоявшую в потоке солнечного света, он оставил их и подошел к ней. Она знала: он не хочет, чтобы она их слушала, не столько потому, что считает ее излишне застенчивой для деловых разговоров, сколько из-за того, что моряки не приучены выбирать выражения.

– Ах, голубка, – сказал он, – я не ожидал, что ты можешь прийти.

– Я, когда выходила из дома, сама не думала, что зайду к тебе. У меня были дела и...

– И тебя приманили сокровища, которые, как ты слышала, привезли сюда?

Она знала, что он шутит или, по крайней мере, говорит не совсем всерьез. Отец улыбался так широко и лукаво, что его борода – небольшой треугольник на подбородке – уже не придавала ему обычной суровости. Сегодня его манжеты сочетались с воротничком: особенно роскошный, нарядный комплект, который, как догадывалась Мэри, он надел специально, чтобы впечатлить этих людей.

– Нет, – ответила она, тоже улыбнувшись, – требуется нечто большее, чем лоскуток ситца или шелка, чтобы заманить меня сюда.

– Я освобожусь через несколько минут, – сообщил он. – Можешь подождать?

– Да.

– Хорошо. Как раз привезли новые корсеты и юбки, которые в Лондоне носят девушки твоего возраста. А еще у меня тут два ящика книг.

Мэри кивнула и отошла к дверям, где повернулась лицом к теплому солнцу и улыбнулась. Книги. Порой Томас отпускал замечания, что она читает слишком много, причем неподобающие книги. О, но книги всегда приносили ей столько радости. В тот миг она считала себя самым счастливым человеком, но потом два вопроса умили ее пыл. Первый: что это значит, когда Томас, с одной стороны, называет ее бестолковой копушей, а с другой – бранит за чтение? Второй – который ввергал ее в куда более сильное смятение, – что можно сказать о ее душе, если несколько отрезков модного шелка или хлопка и пара интересных книжек способны ее осчастливить?

Перед тем как уйти, она положила в корзину подъюбник, корсет и две книги: новую поэму Майкла Уигглсворта, вдохновенную Откровением Иоанна Богослова, и собрание псалмов, признанных наиболее сильными против козней Дьявола, – и еще раз поблагодарила отца.

Она подумала, что никогда вот так не навещала Томаса, но успокоила себя тем, что подобный поступок выглядел бы неуместным, поскольку, во-первых, она обычно видит мужа за обедом, а во-вторых, вряд ли в мире зерна и муки, где работает Томас, ее будут поджидать такие же сюрпризы, как в бесконечно изменчивой торговой империи отца. К тому же до Норт-Энда идти дальше. Гавань? Она ближе. Самое подходящее расстояние, чтобы размять ноги.

И вдруг к ней пришло осознание, частично подсказанное тем, что Томаса не интересовали никакие книги, кроме Библии и Псалтыря (и она сомневалась, способны ли даже они заинтересовать его по-настоящему), и, хотя она попыталась вытолкнуть эти мысли из головы, они засели там, точно пень, слишком широкий и крепкий, чтобы его выкорчевать: она хочет видеть мужа как можно реже. Не потому, что он бьет ее или недавно швырнул на пол. Это чувство сидело глубже. Ей на самом деле не нравился Томас Дирфилд. Ей не нравилось в нем абсолютно все. А порой она испытывала к нему даже отвращение.

В городе было не протолкнуться, и, когда она возвращалась домой с корзиной, в которой лежали подарки отца, и попыталась обойти мертвую птицу, ее саму чуть не раздавила пара быков, тягавших повозку по Хай-стрит. Мэри отскочила в сторону, а погонщик, непотребного вида человек – она так и представила, как он прячется в какой-нибудь темной лачуге в День Господень, – зло крикнул ей, что нужно смотреть по сторонам, и поехал своей дорогой. Теперь юбка и накидка были испачканы в грязи, и Мэри подумала, что ей придется либо постирать их до ужина, либо поручить Кэтрин вывести пятна. Если она не поторопится, то запоздает с ужином, а день выдался такой хороший, не хочется, чтобы Томас и сегодня вышел из себя из-за того, что еда не готова к его возвращению с мельницы.

– Госпожа! – услышала она чей-то крик. – Прошу вас, подождите!

Она обернулась, не будучи уверена, что звали именно ее, и увидела, что к ней через улицу бежит, уворачиваясь от людей и лошадей, парень одних с ней лет. Одной рукой он придерживал на плече корзину с яблоками, в другой держал книгу. На нем были мешковатые бриджи выше колен и грубая пеньковая рубашка. Он был красив, с рельефными скулами и угольно-черными густыми волосами. Мэри решила, что он служит у кого-то.

– Грязный похититель овец – вот кто он! – прошипел молодой человек, оказавшись рядом с ней. – Проклятый негодяй! Вы в порядке?

– В порядке? А почему со мной что-то должно быть не в порядке?

– Я испугался, что быки могут наступить вам на ногу либо повозка – наехать на вас.

– Нет, ничего подобного. Меня только обрызгали, на этом все.

– Здесь становится так же мерзко, как в Лондоне.

– О, не думаю, что все настолько плохо.

– Надеюсь, вы правы, – сказал он и поставил корзину на землю. – Я знаю Лондон. Прекрасно знаю, каким грязным бывает этот город – особенно та его часть, где я жил какое-то время.

Он протянул ей книгу, которую держал в руке.

– Вы уронили это, когда повозка чуть не наехала на вас.

– Благодарю вас.

Это была длинная поэма о Судном дне. Повисла неловкая пауза, и, казалось, Мэри сейчас развернется и пойдет дальше. Но она не сделала этого.

– Я читал эту книгу Уигглсворта, – сказал юноша. – *«День Страшного суда»*.

– Она мне понравится?

Мэри подумала, что он вот-вот рассмеется – так широко он улыбнулся.

– В Лондоне ее напечатали огромным тиражом, большую часть которого отправили в Новую Англию. Вам нравится читать об ужасах, уготованных тем, кто попадет в ад? Если так, то понравится. Это больше проповедь, нежели поэма. Сплошные телесные наказания.

При этих словах Мэри подумала о своем зяте: подобное замечание скорее услышишь где-нибудь в Англии, чем здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.